

Маргарита
Южина

Свадебный
Марш
для
Ловеласа

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Ирония любви

Маргарита Южина

Свадебный марш для ловеласа

«Маргарита Южина»

2011

Южина М. Э.

Свадебный марш для ловеласа / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2011 — (Ирония любви)

Семен Овчаров не думал жениться – быть завидным женихом ему нравилось гораздо больше, чем почтенным отцом семейства. Да и потом, где оно – это семейство! Ведь пока жену найдешь, детей нарожаешь – это ж сколько времени уйдет. Никакого здоровья не хватит! Каково же было его удивление, когда выяснилось, что он на самом деле вот уже несколько лет не только завидный жених и известный ловелас, но и отец очаровательной девочки Ксении.

© Южина М. Э., 2011

© Маргарита Южина, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Маргарита Южина

Свадебный марш для ловеласа

Глава 1

– Сень, ну оставил бы, а? – нудно канючил худощавый молодой человек, накручивая собственную майку на палец. – Я б еще поснимал, а? Ты не представляешь, как моя Люська на этой камере смотрится! Прямо чистая артистка! Она даже ходить по-другому стала, вот честно тебе говорю! Раньше эдакой утицей плавала, а сейчас...

– Ага! Гусыней поплыла! Чего тебе там снимать? – нервно отбrehивался лохотный молодой мужчина лет тридцати, пытаясь затолкать кинокамеру в кофр. – Блин, да что ж такое-то? Чего тебе там снимать? Свою тещу в костюме Зайки? Не смей меня. Если б вместе отмечали, тогда б еще куда ни шло – снимай свою утицу, а если вы отдельно, значит, тогда мне и самому надо... Блин, да что ж она не лезет-то?

– Сень, ну там всякая родня приедет, а я уже сказал, что это моя кинокамера... Они уже сюжет для документального кино придумывают, – никак не мог смириться друг.

– Ничего, разыграете сценку просто так. Устройте кружок имени Немировича-Данченко... Ну все, Петь, пока. С Новым годом тебя... И родню свою поздравь.

Семен Овчаров уже давил на кнопку лифта, но тот никак не мог добраться до третьего этажа. Поэтому грустный Петька все еще пытался воззвать к овчаровской жалости:

– Сень, ну у меня ж Люська специально платье новое пошила, хотела себя... это... увековечить для потомков.

– Не издевайся, твою Люську современники едва переносят, а она еще для потомков! Все, пока...

Лифт наконец соизволил явиться, двери нехотя разъехались, и Овчаров нырнул в кабину.

– Все, Петь! Передавай привет родне! – уже из лифта крикнул Семен.

Только сейчас Овчаров заметил, что в кабине он не один. Вместе с ним ехал сварливый папаша с весьма миленькой дочерью виноватого вида. Папаша был явно чем-то недоволен и не стеснялся в выражениях:

– Кобыла такая, рожу намалевала, а про холодец не вспомнила! А я говорил, что Новый год это и не Новый год вовсе, если на столе холодца нет! Какого хрена ты про холодец не вспомнила?! Колготки себе, значит, не забыла купить?!

Семен чувствовал себя явно не в своей тарелке. Мало того что у него самого настроение было мерзопакостным – и это в самый канун такого праздника! – так тут еще этот дятел по башке долбит.

– Папаша, я слышал, от холодца кости слипаются, – брякнул Семен откровенную глупость и весело подмигнул девчонке. – Наварите лучше киселя. Это недолго.

Папаша опешил. На некоторое время он потерял дар речи, а потом накинулся уже на Семена:

– На кой черт мне твой кисель, ты подумал? Это ж Новый год тебе, а не поминки! Кисель! Ты б еще кутю предложил! Кисель! Это ж надо было такое ляпнуть сдуру-то!

– Папаша, не искрите, вон у вас как волосы-то вздыбились. Не ругайтесь, – миролюбиво предложил Семен. – Нам с вами еще до первого этажа ехать, дорога неблизкая...

Овчаров откровенно потешался над угрюмым мужичком и подмигивал девушке. Но ту отец, видно, так запугал, что девушка лишь бросала на Семена робкие взгляды... Какие-то странные взгляды, слишком непонятные... Познакомиться хотела, что ли? Семену даже на миг показалось, что он откуда-то знает эту девчонку. Но откуда? Ересь какая-то...

Лифт дернулся, остановился и раздвинул дверцы.

– С Новым годом вас! – весело махнул рукой Овчаров, чуть не выронил камеру, чертыхнулся и быстро выскочил из подъезда.

Машина из-за мороза сегодня не завелась, поэтому ехать пришлось на автобусе. Весь салон был забит шумной, галдящей молодежью, тетками, обвешанными пакетами, и уже хмельными мужичками. Просто глазу зацепиться не за что! Сами собой в голову лезли мысли о предстоящем празднике. Новый год, надо же! Самая веселая ночь в году, а Овчарову впервые за тридцать лет и податься некуда! С Ленкой вот некстати поссорились – вздумалось девке, что он непременно должен попросить ее руки! Чтобы прямо с Нового года – и в новую жизнь! А на фига? Его и старая жизнь устраивает. И все! И надулась Елена Прекрасная, и даже не звонит уже целый день! А сама, между прочим, даже картошку чистить не умеет. Нет, Ленка – это не вариант: того и гляди родит кого-нибудь, потом не отвертишься. Можно было Ирку пригласить, так та в Египет удрала. А там сейчас акулы с ума сходят! Откусит такая животина у Ирки что-нибудь важное, и живи потом... с неукомплектованной супругой. Нет, Ирка тоже отпадает. Вот Наташке бы позвонить... или не позвонить? Она же вроде как замуж собиралась... или это не Наташка была? Блин, вот так и получается, такой праздник, а он, как идиот, будет один мордой в салате спать! Даже отец и тот куда-то отправляется... Еще Санька Догонялов женился ни с того ни с сего. А ведь как славно было – каждый год у него собирались, девчонок приглашали, такие компании были! Даже Петька от своей Люськи удирал... Правда, Петька прибежал уже после трех ночи, когда его семейство уже похрапывало, накушавшись салатов... Петька вот тоже – на кой черт так рано женился-то? Люська ему теперь продыху не дает! А до свадьбы была прямо такая робкая. Глазки потупит, ногтем скатерочку ковыряет, ну тебе девочка-ромашка. А уже на свадьбе... кстати, а с кем тогда Семен на свадьбе у них был? С Юлькой? Погоди-ка... Юлька же... она же тогда психанула... потому что Овчаров пригласил на танец соседку Петькину. Ну да, и Юлька еще тогда швырнула ему в лицо салфетку и удрала. Да и фиг с ней, с Юлькой, а вот соседка...

Семен быстро вытащил сотовый телефон и набрал номер.

– Петька, Петро, я, слышь, чего хотел спросить, соседка твоя... ну, на свадьбе у тебя еще была, она там так и живет? Ну откуда я знаю какая?! Молоденькая такая еще, ее мамаша все котлеты какие-то таскала на стол! Да нет, не тетка Капитолина, эта молоденькая была, как же ее... нет, не Зинаида Борисовна... Да, я ж и говорю... Ах, дочь ее! Точно – Соня ее звали! Меня – Сеня, ее – Соня, я поэтому сразу и запомнил... И чего, эта Соня там же и живет, прямо над вами? Да ты мне не объясняй... там же живет? Ага... Все, пока!

У Овчарова как-то вдруг резко поднялось настроение. Ну конечно! Ну как же он мог забыть?! Сонечка сейчас и ехала с ним в лифте! А он еще удивлялся, что у нее взгляд такой странный. Точно, Соня и есть. Они ж на свадьбе у Петьки вместе были! Когда ж это было? Лет пять назад... Или не пять? Да неважно. Семен тогда эту Соню как увидел, так сразу и влюбился! И любил целых... Да, целый вечер и был влюбленный. Все правильно. Они тогда вместе с Юлькой к Петьке пришли. Но Юлька уже начинала надоедать. Той все время от Овчарова какие-то шмотки нужны были, колечки просила все время, сережки... Точно, сережки с бриллиантами ей вдруг приспичило. Не наглела, конечно, но... Но чувства угробила. Только сама еще об этом не догадывалась, поэтому на Петькиной свадьбе даже несколько раз заставляла Люську швырять букет через голову – с первого раза не поймала, вот и устроила баскетбол, а толку? Ни одного цветочка так и не урвала. Последний раз уже почти дотянулась в прыжке, да бабушка Люськина из рук выхватила. Получается, Овчаров на волосок от женитьбы находился. Ужас какой. Ну да... А потом пришла Соня эта. И... Ну и, понятное дело, Семен сразу же пригласил ее на медленный танец. А чего, если девчонка приятная? Вот Юлька и взбесилась. Салфетками давай швыряться. В общем, некрасиво себя повела. Пришлось с ней распрощаться в ускоренном темпе. А с Сонечкой... С Сонечкой Семен очень подружился. Он даже

пригласил ее к себе в гости, после первого дня свадьбы. И на второй день они уже пришли вместе.... Правда, на второй день приехала Люськина какая-то двоюродная сестра... Вот уж оторва! Они с Семеном тогда такого жару дали!

– Молодой человек, вы сейчас сходите? – толкнула Овчарова в бок тетка с сумками. – Выходите, спрашиваю?

– Я? Зачем это? – очнулся Семен, взглянул в окно и охнул – свою остановку он уже давно проехал. Пришлось накинуться на тетку: – Зачем, я спрашиваю вас, толкаться? Конечно же, я выхожу! Я ж вам... кивнул еще три остановки назад! Внимательнее надо быть!

Дома его уже ждал ужин. Правда, отец с ним ужинать не собирался – вертелся перед зеркалом, примеряя новые брюки.

– Сень, они меня не толстят? – придирчиво оглядывал себя Василий Васильевич со всех сторон. – Мне кажется, сзади немного сборит, а? Прямо какие-то складки ненужные образовались в самом неподходящем месте! Как будто я в них пятьдесят лет отработал бухгалтером!

Овчаров мельком глянул на отцовские брюки и кивнул:

– Точно, зад провисает. А я тебе говорил – поедem со мной в бассейн, так у тебя все дела, все женщины! Ну и сиди теперь как в штаны... Да нет, пап, это у тебя просто брюки такие. Надень мои джинсы, я ж тебе предлагал.

– Но... В Новый год – и в джинсах как-то... – замялся Василий Васильевич, и вдруг глаза его загорелись. – А свой свитер новый дашь?

Семен задумался. Вообще-то в этом свитерке он и сам мечтал покорить чье-нибудь очередное сердце прямо на празднике, но уж если одежка приглянулась отцу, это не обсуждалось.

– Пап, ну какой вопрос, я тебе и сам хотел предложить, – подавил он вздох.

Через минуту отец уже подходил к зеркалу совсем в другом одеянии. Зеркало добросовестно отразило моложавого, приятного мужчину лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с легкой сединой на висках и довольно спортивной фигурой.

– А я что тебе говорил! – не удержался сын. – Жених! Прямо хоть сейчас под венец!

– Типун тебе на язык... – рыкнул Василий Васильевич, любуясь своим отражением. – Куда меня в женихи толкаешь? Я только жить начал.

Так случилось, что маменька Семена покинула своих мужчин сразу после рождения первенца. Ей вдруг встретился майор – красивый, здоровенный, все как положено. Ее захватили романтические перспективы: далекие гарнизоны, звезды на погонах и... ну да, и обязательно в будущем уютное гнездышко в самой столице. Понятное дело, что в эдакую романтику никак не вписывался маленький Сенька с его пеленками, а также теперешний муж, который и мечтать-то как следует не умел. И Василий Васильевич с Семеном остались одни. Отец крутился как мог, очень скоро освоил все премудрости жизни отца-одиночки, и ему почему-то в голову ни разу не пришла мысль о том, чтобы устроить свою личную жизнь, а заодно и обеспечить сынишку мачехой. И вот только когда сыну исполнилось двадцать, отец вдруг проснулся, огляделся и обнаружил, что население, как и раньше, в его холостые годы, делится на мужчин и женщин, и что последние бывают довольно привлекательными. И вот уже десять лет Василий Васильевич успешно купался в женском внимании, ему это жутко нравилось, а Сенечка, который уже превратился во взрослого дядьку, и не представлял, как можно жить иначе.

– Пап, ты помнишь, я на свадьбе у Петьки был и там с девушкой познакомился? – вдруг крикнул Семен из кухни, наливая себе кофе. – Я ее сегодня встретил... в лифте... все так же хороша!

– А ты не знал, с кем отмечать праздник! – появился отец в дверях. – Надеюсь, она не выскочила скоропостижно замуж?

– Не-а, – покачал головой Семен, блаженно растягивая губы. – Так и живет с родителями... Пап, я ее и не узнал сначала, а потом чувствую – девица на меня как-то смотрит непонятно... И вспомнил... Хорошая девочка... м-да...

– Пригласил? – спросил отец, аккуратно снимая джинсы. – На праздник-то ее пригласил? Семен мечтал уже о чем-то своем и сыпал в чашку пятую ложечку сахара.

– Ох ты... ч-черт... – спохватился он. – Пригласил? Да нет, пап, не додумался... Да я, честно говоря, понял, что это Соня, только в автобусе... Пап, давай завтра в гараж сходим, посмотрим, что там с моей ласточкой. Сами справимся или в автосервис загонять придется, а?

– Сходим... Только... Сеня, меня сегодня дома не будет, я... я приглашен в гости, а завтра... завтра уже Новый год... Семен, ты хотел на елку гирлянду купить новую. Я старую повесил, а ты новую все же купи, повеселее будет. И не забудь – завтра в шесть мы с тобой встречаемся за праздничным столом, а потом... Сенька, куда новый одеколон-то дел? Я искал-искал. Прячет вечно... – сунулся отец в ванную. – ...А потом мы разбегаемся до следующего года, план ясен?

– Так точно! – щелкнул пятками Семен, отхлебнул кофе и поморщился: в чашке был сплошной сироп. – Пап, то, что ты ищешь, на самой верхней полке, ты же туда и поставил, я сам еле нашел. А гирлянду я вчера купил, сейчас повешу... вся в зайчиках, такая интересная.

– В зайчиках, – ворчал отец. – Скажи лучше – в символах «Плейбоя»... Поешь там!

Вечером Семен лежал на диване, рядом новыми фонариками мигала елка, по телевизору ничего хорошего не показывали, а на праздник не было ну совершенно никаких планов! Даже салат оливье приготовить некому... блин... первый год такой выпал...

Овчаров вдруг вскочил и направился к двери.

– Так и в самом деле можно все на свете проворонить, – бурчал он, напавшая дубленку. – Надо ехать и... И приглашать, да!... Ей же еще нужно успеть... ну, может быть, она еще платье там себе какое-нибудь не успела купить или... колготки новые...

Столько лет прошло, а адрес Сонечки так и остался в памяти... Удивительно было бы, если б не остался – девчонка жила прямо над Петькиной квартирой. Когда рука потянулась к звонку, сердце даже как-то затрепыхалось от волнения.

– Надо же, – сам себе удивился Овчаров, – давненько я так из-за дамы не волновался... здорово... А! Здравствуй! А... Сонечку можно?

Ему уже открыла дверь женщина с нерадостным лицом, в темном старушечьем халате. Ее Семен тоже смутно припоминал – у Петьки на свадьбе была и эта тетушка. Правда, тогда она была веселой, все время сыпала частушками и желала невесте жениха – директора магазина.

– Мне Сонечку позовите, пожалуйста, – изо всех сил улыбался Семен, стараясь понравиться.

– Сонечку? – испуганно пролепетала тетка и негромко позвала: – Соня... к тебе тут пришли... наверное, из райсобеса.

– Да что вы, господь с вами, – опешил Овчаров. – С какого же я райсобеса? Да они ж уже все, наверное, седьмой таз с холодцом варят! Сегодня ж тридцатое число! Я к Сонечке, у меня к ней...

– Кто это? – важно вышел в прихожую лысоватый папаша Сони, с которым Семен уже имел счастье встретиться в лифте. – Чего тебе?

– Мне? Мне кого, а не чего. Мне Софью хотелось бы... Дело у меня к ней... Личное, молодое, так сказать.

– Соня же! – уже нетерпеливо крикнула мать, а потом, спохватившись, вдруг ляпнула: – А... а Сони дома-то нет. Ушла она... ага, в магазин отправилась.

– Кто там, мам? – вышла из комнаты Соня. Увидела Семёна и вытянулась струной. – Вы... ко мне?

– Ну а к кому же? – недовольно зыркнул на мамашу Овчаров. – Сонь, выйди на минутку. Мне тебе сказать кое-что нужно.

– Никуда она не пойдет! – вдруг категорично заявил папаша и принял позу Наполеона.
– Да бросьте вы, в самом деле, – уже начинал нервничать Овчаров. – Девке уже двадцать пять, наверное, стукнуло, а вы ее возле батькиных штанов держите... Сонь, на минуточку...

Софья немного побледнела, однако решительно шагнула в подъезд.

– А я сказал, не пойдет! – взвизгнул дядька.

– Да успокойтесь вы, – дернул на себя дверь Семен. – Прямо неугомонный какой. Ты б, Соня, ему хоть стопарик с утра налила, что ли, все поспокойнее был бы...

– Ты что-то хотел? – сложила руки на груди Соня. – Говори, а то у меня там овощи варятся.

– Тоже к Новому году готовишься? – улыбнулся Овчаров. – Сонь, а давай праздник у меня отметим, а?

Дверь снова распахнулась, и показалась перекошенная физиономия Сониного отца.

– Сонька! Домой, я сказал! Неме...

– Да уйдешь ты или нет? – разозлился уже Овчаров, втолкнул папашу обратно в квартиру и захлопнул двери.

Теперь он крепко держал ручку, дверь дергалась, но открыть ее сил у папаши явно не доставало.

– Сонь, ну ты же помнишь, где я живу, приезжай, а? – дергался Овчаров, держась за ручку. – Ну что я один-то буду? И ты с... таким вот папашей... чудненько повеселишься... А мы с тобой...

– Прости, Семен, – отодвинула его от двери Софья. – Я не буду с тобой встречать Новый год.

Дверь с силой распахнулась, и папаша отлетел к стене.

– Не приходи сюда больше, – строго произнесла девушка и, не оглядываясь на буйного родственника, вошла в квартиру.

– Та-а-а-ак... – поморщился Овчаров. – Значит, не судьба... и здесь обломился...

И он быстренько сбежал по лестнице.

Настроение было хоть выбрось. Дома Семен еще сделал парочку контрольных звонков своим бывшим пассиям, но девицы уже определились с планами и менять их не собирались. В конце концов Овчаров решил просто валяться весь праздник на диване и пялиться в телевизор. Ведь для кого-то придумывали же все эти шоу! Кто-то же должен примерно просмотреть всю новогоднюю программу, зря, что ли, столько денег люди угрохали.

И все же оценить капиталовложения телевизионщиков у Овчарова не получилось. Спасение пришло откуда не ждали. С самого утра раздался телефонный звонок, и задорный голос двоюродного брата весело оповестил:

– Сенька! Привет! С наступающим! У меня горе – меня Анька выгнала, а Новый год хочется. Короче, я падаю к тебе на хвост... Ты даже удрать не успеешь, потому что я стою возле твоего подъезда... только не знаю, как тут с домофоном управляться. Открывай давай!

– Шурка-а-а-а! Какого хрена?! Гад ты такой! – орал уже в прихожей Овчаров и нажимал на кнопки домофона. – Пап! Шурка приехал!

– Неужели его Анята решила прямо под Новый год выставить? – удивился отец. – Отважная женщина.

Шурка женился очень рано – восемнадцати не было. Даже нагуляться не успел. И поскольку был старше Семена, то каждый раз поучал: «Сенька, ежели жить надоело, тогда под венец – первое дело, а ежели еще пожить мечтаешь – не женись, братуха! Христом Богом прошу – не губи ты себя!» Сам он теперь жил в небольшом поселке городского типа, нрава был гулящего, и раз в год его многострадальная супруга Аннушка прилежно выставляла вещи Шурки за дверь. Тот немедля приезжал к холостым Овчаровым в город, ровно неделю отрывался на полную катушку, после чего Аннушка сама же за ним и приезжала. И до следующего года это

была вполне образцовая семья. Вот и сейчас Шурке выпало отрываться – в самый Новый год. Вдвоем с Семеном они тут такое устроят!

– Здравсте, – уже появился в дверях Шурка и... Семен крякнул: рядом с братцем счастливо улыбалась сама Аня и еще молоденькая смазливая девчонка.

– А ты думал, я такая дурочка, выгоню его на Новый год к вам одного? – фыркнула Аня, заметив погасший взгляд Овчарова. – Здравсте, дядь Вася, вот, решили праздник в большом городе отметить. У вас, говорят, тут елки на всю страну славятся... А это вот... Сеня! Обними племянку! Это ж дочка наша, Янка! Неужели не узнал? Ян, ну проходи, чего ты?

– Янка? – вытаращился Семен. – Так она ж была...

Он показал рукой где-то в области пупа. В последний раз он видел племянку... да он и забыл, когда... года четыре назад, наверное...

– Она ж совсем еще... Ни фи́га себе вымахала! – удивлялся Семен. – Невеста!

– Я те дам невеста! – погрозила Анна. – Ей еще восемнадцати нет, так что... имей в виду.

– Можешь не иметь, – отмахнулась Яна, – через три месяца будет. Ма, ну куда сумки-то?

В доме сразу стало шумно – комнаты наполнились женскими голосами, веселыми возгласами, из телевизора полилась музыка, и праздник шагнул наконец в квартиру Овчаровых.

– Дядь Вася, а чего вы елку в самый угол затолкали? Ее сюда надо... Уй, какие красивые зайчики! Надо еще конфетами украсить! Янка маленькая была – любила конфеты с елки таскать...

– Ма, куда ты сумку с вещами сунула, там же все платья переменутся!

– А стол? Давайте его на середину, а? ...Яна! Отстань от матери! Я уже устала вся! Привезли тебя в город, сиди и наслаждайся...

– Дядь Вася, давай я тебе помогу! Я сам передвину!

– Шура! Неси эти сумки на кухню, спиртное в холодильник поставь... Сень, у вас есть микроволновка? А то мы там такого наготовили, надо только разогреть! Ой, нет! Поросянка не туда! Его вон туда положите!

Семен подхватил сумки и попер на кухню. Рядом пыхтел брат.

– Ну ты, Шурка, молоде-е-ец... Ну и шуточки у тебя, – ворчал Семен. – А если бы я в домофон чего-нибудь не то ляпнул?

– Сень, вот те крест, ты не поверишь! – шепотом божился брат. – До вашего подъезда не знал, что они за мной следом едут! С тобой внизу стою, по домофону болтаю, гляжу – мать честная! Вылазят из «жигуленка» мои каракатицы! Чуть обратно не сиганул... да поздно было. И главное – обе прям от счастья так и светятся, мерзавки! Я ж... я же... Поверишь, нет – еще в такси столик в ресторане заказал! Да чего там столик... В поезде ехал – с девчонкой познакомился! Вот теперь и думай – видела ли ее моя супружница или не заметила? Как думаешь?

– Твоя-то не заметила? Ха! Да она все заметит! Что было и чего не было... Не заметила она... – фыркнул Овчаров и тут же наострил уши. – А где столик заказал?

– Да в «Салюте», чтоб с сауной, с бассейном, все дела... Еле выбил, а тут... блин! – расстраивался Шурка. – И ведь так все хорошо складывалось – я ж еще неделю назад начал ей нервы портить, думал – не выдержит, я и сбегу.

– Ну?

– Чего «ну»? Она и не выдержала! Я ж не думал, что она сбежит вместе со мной... еще и Янку прихватит... – проворчал Шурка и вдруг задумался. – Сень... я вот так подумал... А ведь это не я с ней поссорился. Это она со мной. Она сколько раз просила меня, чтобы к вам на Новый год приехать, ну чтоб в городе гульнуть... И Янка тоже просила. А я все не брал ее. Да ну на фиг! В Тулу да со своим самоваром! Вот она и... Это ж чего? Получается, что не я все продумал, а они... с Яночкой-дочуркой, да?

– Получается, что так... – усмехнулся Овчаров. – Вон и упаковано все как аккуратно, и приготовлено... Не один день собирались. Качественно!

– И главное – билет на мой же поезд умудрилась достать... Ну выдра! Ну... – поджал губы Шурка. – Я им устрою! Будут тут вместе с Янкой праздник отмечать! Под елкой! У вас, в городе, говорят, елка классная, вот там пускай и сидят! А мы с тобой... Нет, Сень, я все же вырвусь в этот «Салют»! И ведь, ты посмотри на мою-то! Это ж... это ж надо было такой змеюкой уродиться, а?

– Шура! – вдруг появилась в дверях «змеюка» собственной персоной. – Нам надо на денек передвинуть телевизор.

– Сейчас, крылышко мое, сейчас, мое сокровище, – бросился таскать телевизор примерный семьянин. – Эх, Семен! И чего ты никак не женишься? Это ж... такое счастье, правда, моя ягодка?

В шесть часов стол был накрыт, телевизор блистал экраном на новом месте, мужчины сидели побритые и наглаженные, а дамы сверкали вечерними платьями, тяжеленными клипсами и макияжем.

– Ну, – поднялся Василий Васильевич, – давайте старый год проводим. Это так здорово, что мы собрались все вместе! А мы с Семеном...

Его торжественную речь прервал звонок в дверь.

– Ой, а кто это к вам еще? – почему-то всполошился Шурка.

Семен даже подумал – не дал ли братец адрес своей новой знакомой из поезда, с Шурки станется. Вон он, чуть было под стол не уполз.

– Семен! К тебе пришли! – весело кричал из прихожей отец. – Две Снегурочки! Заказывали?!

– Почему это две? – сразу же прищурилась Аннушка и уставилась на мужа. – Сеньке что, одной не хватило? Или, может быть, он на тебя одну заказал? Чего юлишь-то? В глаза смотреть, я сказала!

Семен вышел из-за стола – Снегурочек надо было встретить. Интересно, какая из его девиц одумалась в последний момент?

В прихожей, смущаясь, стояла... Софья! И держала за руку маленькую девочку, а рядом с ее ногами громоздилась большая сумка.

– Здравствуйте... – прошелестела Соня. – Ты приглашал, вот мы и...

Семен растерянно пожал плечами.

– Да я не против... рад даже. Проходите. Раздевайтесь... Пап, это Соня. А эта маленькая красавица...

– Ее Ксенией зовут, – робко улыбнулась Соня. – Мы... мы проездом... ненадолго... только поздравить.

– И очень хорошо! – засуетился отец. – Давайте мне вашу шубку... Ксюша, снимай сапожки... Ух ты, руки-то какие ледяные!

– А нас папа из дома выгнал! – вдруг сообщила девочка. – Мы и выгнались. Поэтому и замерзли.

– Ах ты боже мой! – выскочила вдруг из комнаты Аннушка. Семен готов был голову отдать на отсечение – родственница стояла и подслушивала возле дверей. – Ах ты, горе какое... Иди ко мне, деточка, идем к столу, там такая вкуснятина! Ты любишь голубцы? Любишь? А котлетки? Тетя Аня стряпала из домашнего мяска. Вкусные-е-е!

– Ань, девочке бы руки помыть надо, – напомнил Шурка, но жена на него так рыкнула, что он немедленно забыл, о чем говорил.

– Ты сам-то их мыл после своих поездок?! Воспитатель хренов! Пойдем, девочка моя, не слушай дядю, он у нас вообще... бестолковый, как кактус... пойдем...

Девочку утащили, а Соня еще больше засмущалась – ее секрет так неожиданно выплыл в самый неподходящий момент.

– Пойдемте, Сонечка! – позвал отец. – Сейчас я вам тапочки принесу.

Он ушел за тапками, а Семен помог девушке снять шубку и не удержался:

– А чего это ваш батюшка разбушлатился? Выпил, что ли, лишнего?

– Это не отец, Сеня, – горько посмотрела на него Соня. – Это мой муж. А Ксения... Ксения наша дочь.

– Муж?! – вытаращился на девушку Семен. – Ох, и ни фиги себе! И... и дочка такая большая? Ну, все успела! Да ты не жмись, ничего, выкрутимся как-нибудь, проходи. Не с такими мужьями выкручивались... Пап, ну что у нас там с шампанским?

– С шампанским? – появился отец из дальней комнаты. – А я вот пока только тапочки нашел.

– Садитесь, все готово уже, – торопила Аннушка. – Девушка, вас же Соней зовут? Садитесь, Сонечка, вот сюда, я вам уже и тарелочку чистую поставила... Шура! Принеси девушке стул! Ксюсынька, солнышко, сиди с тетей, тетя тебя покормит... Яна, чего ты, как колода, я не знаю! Поддай мне вон тот салатик, видишь же – его от меня специально далеко поставили, чтоб я не дотянулась... Сейчас, Ксюсынька, тетя достанет.

– Дорогие гости! – снова поднялся Василий Васильевич. – Провожая этот год, я хочу подвести некоторые итоги... Итак, в этом году...

– Ой, дядь Вася, вы так долго говорите, а выпить уже хочется – спасу нет, – перебила его Аннушка. Вскочила и рывкнула во все горло: – За старый год! Уррррра!

Все начали звенеть бокалами, греметь вилками.

– Дядь Вася, между первой и второй... Наливай! – опять тянулся к рюмке Шурка.

– А нечего частить, нечего, – рыкнула на него Аннушка. – Дядь Вася, налейте только дамам, потому что у нас вино слабенькое, а у мужиков... Янка! Еддритвою! Ты-то куда свой фужер тянешь?! Ты у нас несовершеннолетняя, не забывай!

– Я не забываю, – отмахнулась Янка. – Ты вон подарки давай дари, я их столько перла.

– Ох, и правда! – всполошилась Аннушка. – А у нас же ведь и подарки! ...Дядь Вася, у вас есть халат красивый?

– Есть у него, – кивнул Семен.

– Да нету! – закапризничал Василий Васильевич. – У меня старый. А Аннушка наверняка новый халатик подарит, правда же, Аня?

– Ничего не правда, чего это я вам халаты дарить стану? – вытаращилась Аня. – Мне просто надо, чтобы Дедом Морозом нарядиться... Шурка, пойдем, я из тебя Мороза сооружу. Дядь Вася, давайте ваш старый халат, сойдет.

Через двадцать минут в комнату вошел Шурка, старательно упакованный в полосатый махровый халат, в Аняной лисьей шапке, с мишурой вместо бороды и с большой клетчатой сумкой. Следом за ним маячила Аня, улыбаясь во все зубы. Ее прическу тоже украшала мишура, только побогаче.

– Ой, а таких Дедов Морозов не бывает, – хихикнула маленькая Ксюша.

– Да я сразу говорил, – тут же согласился наряженный Шурка. – Да разве ей докажешь...

– К нам на праздник в Новый год из лесу Мороз идет! – начала крикливо Аннушка. – Всем подарки он подарит... Янка, ну как там в рифму-то?.. Короче, всем подарит, да и все...

Аннушка махнула рукой и бодро полезла в здоровенную сумку.

– Дядь Вася, вам вот... – вытащила Аня маленькую коробочку, – крем для ботинок. Вещь просто необходимая, у нас в поселке ее днем с огнем не сыщешь, а вам надо, я ж знаю... Я ее заказывала специально.

– Спасибо, Аннушка, – проникновенно прижал к груди коробочку Василий Васильевич. – Я тронут.

Семен с чувством кивнул – именно эту коробочку им вручила продавец на сдачу, когда они у Шурки в поселке несколько лет назад покупали хлеб и водку. Еще и коробок спичек... Надо думать, спички будут следующим подарком.

Семен не ошибся.

– Сенечка! А тебе... вот такие маленькие... новогодние бенгальские огоньки! – светилась от счастья Аннушка, протягивая спичечный коробок, обвязанный подарочной лентой.

– Аня! Ты – волшебница! – воскликнул Семен.

– А вам, девушки-и... – похоже, Анна продумала сюрприз и для Софьи с Ксюшей, – а вам... вот! Сонечка, это тебе, будь счастлива.

Семен крикнул. Его родственница, пока переодевалась в Снегурочку – или в кого она там нарядилась, – беззастенчиво свистнула с полки вазочку и теперь преподнесла Софье.

– А тебе, моя крошечка, мы приготовили вот такой подарок! – И Аня протянула Ксюше красивую коробку конфет.

По тому, как дернулся кадык у хозяина дома, Семен понял – этой коробочкой Василий Васильевич хотел порадовать свою очередную даму, у которой собрался отмечать праздник, и Аннушкина расторопность его немного обескуражила. Это поняла даже и сама «Снегурочка», потому что тут же плюхнулась возле Василия Васильевича и громко зашептала:

– Ну не могла ж я ребенка без подарка оставить, правда же ведь? Если б я знала, что будет девочка, я б и сама побеспокоилась. Но вам же не жалко, чего жалеть-то, госсydi...

– Анечка бодро встряхнулась и громко заявила: – А теперь за Снегурочку и ейные подарки! Шура, наливай!

– Не понял... – растерянно толкался возле сумки Шурка. – А мне чего? И все, что ли? Больше подарков не будет? И чего – в этом чемодане только спички валялись?

– Шура, не буянь! Дядь Вась, наливайте, только Шурке не надо, он уже буйный, – веселилась Анечка. – Янка, хорош кукситься, я ж сказала – я тебе свое платье задарю, ну, то – помнишь, с цветами. Я все равно в него не влазию. Давайте выпьем, да уж и споем... – и, не дожидаясь, затянула залихватскую частушку: – Эх, я нашла заначку мужа и купила сапоги! Но они мене не нужны, он мне выдрал две ноги! Ух! Наливайте!

Соня уже немножко освоилась, перестала так стесняться, раскраснелась и даже стала улыбаться. Девочка и вовсе вела себя очень спокойно. За столом со взрослыми она не проронила ни слова, только смотрела во все глазенки да старательно работала вилок.

Семен же незаметно разглядывал Соню, и с каждой выпитой рюмкой она становилась для него все загадочнее и краше. Вон какие ямочки на щеках... А глазищи-то, глазищи! И волосы... вроде бы никакой прически, а как лежат, так сами и укладываются в локоны... И почему же такая красота досталась тому чмошному старику? Невообразимо... просто с ума сойти! Тут такие парни, как Семен, сидят совсем... бесхозные, а всякие Сонечки выходят замуж за каких-то... и где справедливость?

Соня ловила на себе взгляды Семена, и ее щеки трогал румянец. А чего румяниться-то? Села бы поближе, предложила бы выпить на брудершафт... Вот Ирка б уж давно так и делала... Да и Танька тоже. И Аленка бы не заставила себя ждать, а эта...

А отец прямо глаз не сводил с гостыи. Такой заботой окружил... И что-то шепчет, и спрашивает, и за тарелочкой следит... То ли Семену помогает, то ли ему же ее в мачехи готовит... Надо будет с отцом-то побеседовать...

Рюмочки развязывали языки, музыка из телевизора создавала праздничную обстановку, и с каждой минутой все больше хотелось чуда.

После десятой рюмки Шурка решил это самое чудо сотворить собственными руками.

– Анечка! А я ведь тоже тебе приготовил подарок!

– Вот и хорошо, – жевала Анечка салат из капусты. – А то я подумала, что так без подарков и уеду. Давай.

– А мне? – скуksилась Янка. – Хоть бы шоколадку купил, папенька родимый.

– Тебе и так хорошо! – рявкнул на нее Шурка. – Тебя на елку сегодня пошлем, чем тебе не подарок? Ты забыла, что ли, как я тебе давал пятьдесят рублей на телефон? Вот это и был

подарок! Откуда у меня деньги-то? Анечка! Вот уже через два часа пробьют куранты, и я... я хочу... подарить тебе незабываемую сказку! Сегодня ты... Ты сегодня прямо, как вполне приличная женщина, проведешь праздник в... ресторане!

– Где?! – выпал салат из покрашенного рта Анечки. – Где я проведу? В ресторане?! Прямо вот так в настоящем ресторане?! Я?! И ты... ты закажешь мне... как это... виа-гра?

– Фуа-гра, мама! – прошипела Янка. – Ну прям дикое село...

– Нет, правда? – не могла поверить Анечка.

И даже Семен с Василием Васильевичем вздохнули с радостью.

– Аня! В ресторане, да в Новый год... это дорогого стоит, – выдохнул Овчаров.

– Да! – встрепенулась Анечка. – А кто платить будет, кстати?

– Ты! – возмутился заботливый супруг. – Я уже и так... еле выбил два места! А сейчас это знаешь как! Невозможно почти! Новый год же!

– Вот именно! – фыркнула Янка. – Ты спроси его – когда это он успел? Пока мы здесь, он даже к телефону не подходил.

– И когда это ты успел? – послушно поинтересовалась Анечка.

– Ха! Да я еще в поезде вас с Янкой заметил! – быстро нашелся Шурка. – И сразу же решил – дай, думаю, сюрприз Анечке своей устройю... Ну из поезда и заказал... по сотовому телефону.

– Ма, а ты спроси – как это он нас в поезде узрел, когда мы в машине с дядей Гришей приехали? – снова посоветовала Янка.

Шурка взбеленился совсем не по-новогоднему.

– Янка! Щас как дам по тыкве, гадина такая! – замахнулся он на дочь. – Быстро штаны напяливай и на елку!

– Нет, ты про штаны не пой, – перебила его Анечка. – Янка правильно интересуется. Как ты нас в поезде углядеть мог, когда мы на Гришкиной машине приехали? Гришка Бычков решил на праздники тещу к сестре в город отвезти, чтобы она им с Наташкой нервы не трепала, и мы с Янкой напросились. А в поезде мы и не ехали вовсе. Признавайся, для кого ресторан заказывал?! Чего молчишь, дундук?!

– Да ну вас, – расстроено устался на елку Шурка. – Не хочешь, я и один в ресторан поеду. Сиди тут одна, как дурочка... с Сенькой в обнимку...

У Сеньки были совершенно другие планы, поэтому он яростно кинулся на помощь брату.

– Аня! Ну что ты придумала? Я прямо не знаю! Все же просто. Да! Шурка вас увидел еще в поезде. Ехал-ехал, потом вздумалось ему покурить, вышел в тамбур, глядь – а по дороге едет знакомая машина!

– Да! – вытаращил глаза Шурка.

– Он пригляделся повнимательнее – и номера тоже знакомые!

– Да! – уже радостнее вякнул брат.

– Стал вглядываться в салон... – продолжал Семен рассказывать новогоднюю сказку, – вглядывался, вглядывался... Батюшки! А там его родная жена! Да еще и дочь!

– Да! – Шурка окончательно понял, куда клонит его спаситель. – Жена! С этой вот... кикиморой-предательницей! С Янкой! Ань, я ж еще вам руками махал! Ну неужели не видела? А я махал... А потом пошел и... и заказал столик в ресторане. А ты уж тут такого накрутила!

Анечка еще немного сомневалась, но Василий Васильевич добавил свое веское слово.

– Анечка, вам обязательно нужно сходить в ресторан. Потом дома своим подругам расскажете. Это ж незабываемый праздник будет.

Про подруг это он вовремя ввернул.

– Точно! – засветились глаза у Анны. – Наташке расскажу – повесится от зависти! Шур, так нам же надо собираться! Дядь Вась, пусть Шурка наденет в ресторан этот свитерок, который

на вас сейчас, а то он... Как старик выглядит, прямо стыдно за него, в самом деле! А у вас ничего... такой модненький.

– Папа никак не может, – возразил Семен. – Этот свитер... он столько женщин притягивает – оглянуться не успеешь, а Шурка уже... жену поменять сможет... Не советую... Как родственник – не советую...

Услышав это, Шурка как-то весь встрепенулся, дернул кадыком и с тоской посмотрел на свитер.

– Нет! Они, главное, тут про свитера, а я?! – вдруг возопила Янка. – Я-то в чем пойду? В этом твоём старом платье, что ли, ма?

– Ты ваще! – резко обернулся к ней Шурка. – Куда она-то собралась, Ань?! Янка, ты ваще у меня сейчас спать пойдешь, чучундра такая малолетняя! Ань, она нам расстроит все романтическое свидание на двоих!

– Яна, а пойдем со мной, – вдруг предложил Василий Васильевич. – Я собираюсь в гости к одной... очень приятной знакомой... Мы с ней вместе работали и сегодня... хотим вспомнить некоторых коллег. Так вот... У нее сын, ему уже двадцать лет, такой большой обормот, а все еще мамку караулит. А с тобой...

Аня насторожилась:

– Янка! Не забывай! Тебе еще нет восемнадцати! – быстренько напомнила она.

– Да помню я... – поморщилась доченька. – Через три месяца будет восемнадцать, и если я хочу остаться жить в городе, а не в нашем Захудалово, то надо успеть пригласить кого-нибудь с квартирой... Дядь Вася, пойдемте... Ма, я твою кофту надену, ага? А то... в этом платье я уж и совсем... Как старуха.

– И хорошо! – не собиралась делиться Анечка. – Выгляди старше, а то спугнешь парня раньше времени, сейчас ведь молодежь-то пошла – все статьи знают!

Начались шумные сборы. Разбирались сумки, доставались платья, заново перекрашивались глаза и губы.

– Василий Васильевич, – тихо обратилась к хозяину дома Софья. – Мы, наверное, тоже пойдем. Пора нам. Да и Ксения уже спать хочет. Она рано ложится, а сейчас уже... десятый час.

– Анька! – услышал их Шурка. – Все! Я отказываюсь везти тебя в сказку! Уже десятый час! Мы сейчас опоздаем! Я один еду! Сень, ты со мной?

– Я тебе дам «Сень»! – шуганула его Анечка. – Я уже готова! ...Янка, куда мои сапоги напяливаешь? Я сама в них поеду! Ты и в валенках запросто можешь...

Василий Васильевич склонился к Соне.

– Сонечка, ну куда же вы поедете? Семен один тут со всеми салатами не управится. К тому же Ксюша и в самом деле уже очень устала, положите ее в мою комнату, мы, скорее всего, задержимся до утра.

– Ты даже и не думай, – быстро шепнул Семен Софье. – Сейчас всех выпроводим, тогда самый Новый год и начнется! Ну, счастливо вам, – уже насильно отталкивал он от зеркала Анечку. – Бегите, а то двери закроют, и никакого вам... виа-гра! Все! Топайте! Счастливого Нового года!

Глава 2

После ухода гостей Соня уложила дочку спать в комнате Василия Васильевича и... так и осталась сидеть на кровати, рядом со спящим ребенком. Она не знала, как это ей сейчас выйти, сидеть и праздновать с этим... Семеном. О чем они будут говорить, что делать? Телевизор смотреть?

– Ну и чего ты здесь сидишь? – появилась в дверях голова Овчарова. – Я, главное дело, сижу, ее там жду, скоро уже куранты бить будут, а она тут устроилась! Пойдем!

– А может быть... Может быть, не надо? – слабо сопротивлялась девушка. – Я...

– Чего не надо? – вытаращился на нее Семен. – Новый год не нужен тебе? А куда его девать? Нет уж, пойдем... Через час уже начнется. Так что... А может быть, уже пора шампанское открывать!

– Так мы его уже все выпили, – напомнила гостья.

– Как?! – рванул Овчаров к столу.

Софья не ошиблась. Так и есть. Вот они стоят – две бутылочки шампанского, обе как есть пустые. Отец и сын не ожидали столько гостей, потому и не подумали, что такой важный атрибут праздника может закончиться в самый ответственный момент. Ничего себе Новый год!

– Тогда пойдем хоть соком чокнемся, – тут же вернулся за гостьей Семен. – Так даже интереснее будет... Глядишь, весь год пройдет в здоровой трезвости...

Соню он вытянул, и даже усадил за стол, и теперь разливал сок по высоким стаканам.

– Что сказать... немножко необычно, но я... рад! Говорят, с кем встретишь, с тем и проведешь, поэтому... – поднял он свой стакан и вдруг стушевался. – Сонь, ты прости меня, конечно... Ты, наверное, переживаешь, тебе бы лучше бы было с... любимым мужем, чтоб своей семьей, но...

– Да ничего, – пожала плечами Соня. – Наоборот... может быть, лучше... развеяться. Мы с Денисом... Как-то не совсем ладится у нас.

– Ну да, я заметил... – крикнул Семен и вдруг ляпнул: – Соня, а чего ты так? Такая красивая девчонка была, загляденье. А выскочила за... Дениса? Уж замуж невтерпех?

У Софьи дрогнул подбородок.

– Почему же? Встретила, полюбила... Потом Ксюша у нас родилась. Нормальная семья. И Денис нормальный мужчина.

– Это да! Кто бы спорил! Только он раза в три тебя старше, а так ничего, – пробурчал Овчаров.

– А кого сейчас этим удивишь, – грустно хмыкнула девушка. – Сейчас вон... все выходят замуж за... зрелых мужчин.

– Согласен, если эти зрелые с тугими кошельками.

– Ну нет, – весело замотала головой Соня. – Это не наш случай.

– Это и обидно, – вздохнул Овчаров. – Да ну и ладно. Не хочешь говорить – не надо...

Соня покраснела и снова пожала плечами:

– Разве не хочу? Мне кажется, я уже все рассказала. Живем обычно... как все. Работаем... Что еще рассказывать? Ничего интересного.

Семен покачал головой.

– Ты говоришь как бабушка. Еще только очки на нос и в руки семечки. «Ничего интересного»! Ты же красивая такая! Молодая! Ты же... вон какая вся! Как же – ничего интересного? У тебя же каждый день как огонек должен быть! Девчонки в твоё время еще на свидания бегают, друзей как перчатки меняют!

– Я уже отбегала свое, – вздохнула Софья и вдруг усмехнулась. – А ты меня жизни хотел поучить? Прямо сейчас? За новогодним столом?

Семен ступешался. И в самом деле, некрасиво получилось. Пригласил девчонку, а теперь лезет к ней в душу со своими вопросами. А той, видно, и так несладко.

Он обнял руками стакан, уставился в самые зрачки девушки и тихонько проговорил:

– Давай просто выпьем. Чтобы у нас в Новом году было все о-о-чень хорошо! Вот как захотим, пусть так и будет, точно?

И Соня улыбнулась.

– Давай, – почему-то тоже шепотом ответила она.

Такой хороший тост был, а все же выпить не пришлось – в дверь позвонили.

– Да что ж такое? – занервничал Овчаров, направляясь к двери.

– Это не что! Это мы! – ввалились в прихожую верные друзья – Петька и Люська Ореховы.

– Ого! Давно не видались! – обрадованно гоготнул Овчаров. – А вы чего не у себя? Петьк, ты ж говорил – родня приедет, все дела...

– Так она и приехала, – весело щебетала Люська, скидывая шубку. – Изволила порадовать, представляешь, да? Мы, конечно, порадовались, а потом... Потом подумали – у них и без нас уже столько радости получилось, а ты один будешь. Ну и... прибыли с поздравлениями! Семен, встречай же нас буйными криками и повесь мою шубу!

Семен не знал, что ему делать – вешать шубу, кричать от радости или сразу же сказать, что он не один?

– А еще, – бубнил Петро, аккуратно приглаживая шевелюру перед зеркалом, – Люсеньке до ужаса захотелось себя снять на камеру в новом платье. Прошу заметить, я тебе говорил, Сень, оставь камеру нам, и тебе бы спокойнее было, и мы б не таскались, так ты...

– Проходите, только тихо, – пригласил Семен. – А то у нас ребенок спит.

– Откуда у тебя ребенок, Овчаров? – всерьез испугался Петька. – Ты что, уже переключился на несовершеннолетних? Овчаров, я бы попросил учесть – это статья, Овчаров.

– Да ну, Петь, я одинокий, закоренелый холостяк, и... а вот ребенок все равно спит.

– Ужас какой, Овчаров! – тарасила глаза Люська. – Тебя нельзя оставить ни на минуту – ты тут же начинаешь плодиться!

Гости ввалились в комнату, и Люська оторопела.

– О! Сонь, добрый вечер! А ты здесь как образовалась? – заморгала она глазами, завидев соседку. – А я думаю – какие это дети у Овчарова спят? Ты здесь вся сама и с Ксюшкой? Я угадала, да?

– Ну да... мы так... по дороге зашли... Здравствуйте, – стала пунцовой, как стяг, Софья. – Семен, я... Мы, наверное, пойдем... а вы празднуйте.

– Это почему же?! А чего это ты собралась сразу нас покинуть? – искренне возмутилась Люська. – Сиди! Сейчас самое веселье и начнем. А то у нас с этими стариками... Мужчины, а где вы прячете шампанское? Дамы просят выпить!

Овчаров шелкнул пальцами:

– Шампанское... Оно спряталось в магазине. Нет, ну в самом деле – вот все нормально, а с шампанским... Не доглядел. Не подозревал, что вдруг столько дам окажется.

– Не поняла... – отвесила челюсть Люська. – У тебя, что ли, шампанского нет? В Новый год? О-бал-деть... А чего делать будем?

– Так ничего, это же, прошу учесть, совсем не катастрофа! – пожал плечами Петька. – Надо сходить и купить, еще почти час, успеем. Здесь же прямо под ним магазин. Работает круглосуточно. Я схожу.

– Вот-вот! Сходи, – кивнула головой супруга. – Только возьми с собой кого-нибудь... Соню, например. А то ты один будешь ходить до Рождества, знаю я тебя... Сонь, проводи его, а? Ты ж знаешь, какое шампанское лучше купить. А то я уже набегалась, прямо как джейран какой-то, и Сеньку посылать некрасиво – все же хозяин, вдруг к нему кто позвонить додумается или еще чего.

– Да, я схожу, – поднялась Софья. – Может быть, и еще чего купить? У меня деньги есть.
– Ничего больше не надо. Мы все уже взяли, и даже шампанское, только его уже выпили, – замахал руками Семен и потащил Петьку в прихожую. – Петь, ты это... Ты купи мне коробку конфет – это для твоей Люськи. А для Софьи – вот тут за угол зайти и купи цветов, ага? А то у меня в подарок даже и нет ничего.

– Да ну на фиг! Где я тебе цветы искать буду? – бурчал Петька. – И потом, прошу учесть, Новый год, он прямо-таки уже весь подкрался, и... на фига тебе вообще цветы какие-то?

– Не мне, а Соне! Я ж тебе говорю – здесь, прямо за углом, – настаивал Семен. – Ну чего тебе, трудно, что ли? А я пока твою красавишну на камеру сниму. Вот деньги, иди давай.

– Чего это вы тут тайное содружество устроили? – появилась в прихожей Люська. – Петр, ты уже оделся? А чего так долго копаешься? Соня! Где ты там? Вы весь Новый год пропустите! Поторапливайтесь!

– Да я бы и одна сбегала, – робко проговорила Соня, но на нее тут же накнулись.

– Чего это ты одна бы? – обиделся Овчаров.

– И не говори! Одна она в такую темень, как будто сова какая-то... Бегите давайте, а я стол освежу, – уже вовсю распоряжалась Люська. – Семен, а где у вас хлеб нарезанный?

Петр с Соней вышли, а Люська прилипла к Овчарову.

– Сень, где у тебя хлеб? Да ладно, бог с ним, с этим хлебом, ты мне скажи – и как это вы встретились, а? Она сама тебя нашла, да? Ну и молодец! Я б на ее месте... – горели любопытством ее глаза. – Это ж как здорово, а? Новый год, а ты не с какой-то там свиристелкой, а с Софьей и с собственной дочерью, все как у людей! Ох, я за тебя так рада! Ты только не обижай Соньку-то! Вот у меня в груди такое трепыхание – чуется мое сердце, что у тебя...

– погоди-ка... Чего ты там сказала? – вдруг уставился на нее Семен. – Чего ты там бормочешь, Люська? Твоя родня, видать, тебе последние мозги отбила! Какой мой ребенок? Ты очумела, что ли?

Люська заморгала накрашенными ресницами и не сообразила – что она ляпнула не то?

– Ты чего, Сень? Я ж, наоборот, радуюсь за тебя что есть мочи...

– А чему радоваться-то? – смотрел на нее Овчаров как баран на новые ворота. – Ни фига не понимаю... У нее соседку муж выставил за дверь в самый праздник, и ребенка своего не пожалел, а у нее радости полные штаны!

– Ну так правильно, выставил... Я ж не отрицаю... – кивнула Люська. – Он ее первый раз выставляет, что ли? Как прописался, так и давай права качать! Ну! А все потому, что бесится! Он же Соньку уже с Ксюшкой взял, чего ему жалеть? А от него Сонька не хочет ребеночка. Потому что не любила его никогда.

Семен тупо смотрел на Люську и ничего не соображал. Как это – с Ксюшкой? Соня же только что рассказала, что... полюбила этого своего... как его... Дениса!

– А от кого тогда Ксюшка? – совсем уж растерялся Семен.

– Не знаю, – хитренько поджала губки Люська. – Но Сонькина мать все время теткам жаловалась – непонятно у кого свадьба была, у нас с Петькой или у Соньки? Сонька-то сразу с нашей свадьбы понесла, а мы с Петькой все никак не можем хоть кого-нить родить... Так потому что Петька еще квартиру никак не может разменять! А чтобы я с его маменькой еще и детей рожала – не дождутся!

– Да хватит тебе! – рыкнул на нее Семен. – погоди, Люсь... Это чего – Соня правда, что ли... после вашей свадьбы? А чего ж вы молчали?

– А чего говорить? Я тебе сколько раз намекала, что у нас по двору твои дети бегают, так ты ж... тебя разве ж пробьешь?! – надулась Люська. – Еще и некорректно смеялся надо мной.

– Ну да... ты говорила... что у меня по всей стране наследники! – накинута на нее Овчаров. – А чего по стране-то, когда я из нашего города и не выезжал никуда! погоди, значит... этот Денис... А чего ж она тогда говорила, что любит его?

– Любит? – фыркнула Люська. – Да я тебя умоляю! Ты Дениса-то видел? Дрын дрыном! Это Соньку мать спихнула за него. Раньше же Сонька в престижном магазине работала, а когда уже стало видно, что она мамочкой стать собирается, ее ласково попросили уволиться, потому что беременной фигуркой уже покупателей не заманишь. И льготы всякие положены, а кому это надо? А Сонька неконфликтная, ушла. И стали они сидеть с маменькой на одну пенсию. В долги влезли... А тут еще этот... Денис... он уже давно на этих двух теток заглядывался – все мечтал прописаться, даже к матери Сонькиной в женихи набивался... ну и... Там заплатил, там денег одолжил... и они его прописали. А потом и вовсе стал Соньке на мозги капать – девочке нужен отец, все равно уж под одной крышей, так сказать... Да еще и мать насела, дескать, нечего на моей шее сидеть... ну и сломали девку. А теперь уж и сама мать не рада – этот гад творит что хочет, и никакой управы на него нет, не прикопаешься.

– Ну уж... так уж и не прикопаешься... – с сомнением качнул головой Семен, но Люська только махнула рукой.

– Может, и можно, да только кто этим будет заниматься... Сень, у тебя есть перец и соль? А то тут на столе нету.

– Ага, вон там, на кухне возьми... Слышь, Люсь, а чего...

Спросить он не успел – в прихожей раздался звонок, и Люська, топая как слон, понеслась открывать.

– Ой, ну ушли и потерялись! – по-хозяйски щебетала она. – Где вас носило-то? Уже через десять минут куранты... Петь, ты чего мне коробку тычешь, хватай шампанское и беги к столу... Сень! Захвати из кухни полотенце! Сонь, поставь елку, давай к столу!

Семен тоже вышел в прихожую. Теперь он смотрел на Софью уже совсем другими глазами. Неужели эта девчонка и в самом деле... А чего? По возрасту Ксюшка как раз подходит... Да нет, такого просто не может быть! Люська наплела чего-то, сама не знает чего... И все же надо Петьку с Люской выставить как-нибудь поскорее, а уж самим с Соней... по душам...

И вдруг он испугался – а надо ли? Ну скажет она – да, это твоя дочь! И чего? Что ему делать? Бежать в загс? Но... блин...

– Сень, прошу учесть, я все купил, – во всеуслышание заявил Петька. – Горшок отдал Софье, а конфеты... А конфеты куда девать?

– Конфеты? – рассеянно переспросил Семен. – Конфеты... да съешь сам, чего уж...

– Ты ж Люське хотел, – напомнил друг.

– Люське? Ну отдай Люське... Петь, давай потом, а то у меня сейчас башка... А ты цветы купил?

– Ничего никому сейчас не отдаем! – зычно заявила Люся. – Срочно за стол! Все! И успокаиваемся! Вот! Уже президент поздравляет, а мы все никак за стол усесться не можем!

Они шумно подлетели к столу, мужчины стали открывать бутылки, а дамы приготовились визжать.

И вот он, первый удар!

– Уррррра! – взвилось над праздничным столом.

– Быстро все загадываем желания! – громче всех верещала Люська. – Петр! Я хочу, чтоб ты мне купил машину-у-у-у-у!

– И я хочу! – орал Петька. – Чтоб ты мне купила-а-а! Прошу учесть – иномарочку!

Овчаров взглянул на Софью... И в голову пришла мысль... он еще ничего не решил, а мысль... как-то сама прочно устроилась у него в мозгах. И Соня... Она такими глазами смотрела на него, так легко улыбалась... улыбалась только ему... и будто бы не было рядом орущих Люски и Петьки, а были только Семен и она... И стало так... так тепло и весело. И мысль в голове была как-то уж совсем кстати...

– За тебя, – звонко чокнулся с Софьей фужером Семен. – Хочу, чтобы ты была счастлива.

– И ты... будь счастлив в этом году... – негромко ответила Соня.

– Уррра! А еще хочу, чтоб Петьку повысили-и-и-и! – продолжала заполнять бланк заказа Люська. – Чтобы его маменька уехала к сестре-е-е!

– Люсь, хорош орать, ребенка разбудишь, – рыкнул на нее Семен.

– А давайте дарить подарки! – никак не унималась шумная гостья. – Сень, я тебе притащила в подарок... наволочку! А чего тебя перекосило? Мне свекровь подарила, а куда мне? У нас же сплошные комплекты! А тебе пригодится, ты один... Сень, а ты чего, дарить ничего не собираешься?

– А я ... – поднялся Овчаров и вспомнил. – Петька, ты куда подарки дел?

– Ну дык... – хлопал глазами Петька. – Соньке я сразу подарок вручил, а конфеты...

Прошу учесть, ты сам сказал, чтобы я съел, вот я и...

– Слопал, что ли? – охнула Люська. – Мой подарок? Сень, он мой подарок, что ли, слопал? Овчаров постарался припомнить – цветов он точно нигде не наблюдал.

– Петька, а цветы где?

– Я ж говорю, отдал Соньке! – уже начал нервничать Петр. – Сонь, покажи, что я тебе подарил.

– Нет, это ОН ей подарил! – возмутился Семен. – Это Я подарил! Куда цветы дел?

– Вот, – пододвинула на середину стола горшочек с елочкой Софья. – Вот что мне подарили.

– Это? – выкатил глаза Овчаров и повернулся к другу. – Петька, я ж тебя... как человека! Ты что елку-то девчонке сунул? У нас же дома вон стоит... украшенная вся! Нельзя было нормальные розы подарить?

Петька добросовестно выпучился:

– Так ни фига! Знаешь, сколько они стоят – розы! А вот эта елочка... она, между прочим, тоже не подзаборная какая-то, она в горшке!

– Это не елка, – тепло улыбалась Соня и гладила иголки пальцем. – Это туя. Пушистенная... и хорошо, что не розы, они завянут, и все, а эта туя расти будет... и всегда живая.

– Ну, Петро ... – играл желваками Овчаров. – Сейчас напьешься, я тебя пьяного сниму и в «Одноклассники» выставлю... Люсь, наливай!

Люсь уже было потянулась за бутылкой, но вдруг остановилась:

– Я не поняла... а мой подарок куда делся? Сень, ну давай придумаем, будто конфеты ты Петьке подарил, а?

– Давай, – был уже на все согласен Семен.

– Ага, а тогда мне чего? – не успокаивалась Люська.

– А тебе...

– А тебе вот, – быстренько догадалась Соня и сняла с серванта вазочку, которую недавно ей подарила Анна.

– Ну что ж... и за это спасибо... – скривилась Люська. – Если учесть, что ее мы Сеньке лично на тридцатилетие подарили... вот тут надпись имеется.

– Фу ты, а я думал, это бабушкина... Не капризничай, Людмила, – строго одернул ее Семен. – Мы в этом году пить будем? За сбычу мечт!

И снова зазвенели фужеры, и Люська забыла про подарки, и Петька не боялся уже никаких «Одноклассников», и Соня отвлеклась от неприятностей.

А потом включили музыку и танцевали до упаду. Семен и не предполагал, что умеет так быстро двигаться. Петька же танцевал, наоборот, медленно, добротнo, будто выполнял работу на заказ. Люська просто прыгала козой, а Соня... как же красиво танцевала Соня! Семен вспомнил – он тогда, на свадьбе, ею и заинтересовался, потому что она сразу же пленила его своими танцами.

И вроде бы ничего особенного, но как же хотелось на нее смотреть, прикасаться к ней.

– А что это у нас медленных танцев нет совсем? – возмущался Овчаров. – Петька, включай медляк!

– Прошу учесть, ты ж хозяин... Ты хоть диски покажи, я выберу... – бубнил тот.

– Можно просто включить телевизор, сейчас там столько песен, – неуверенно предложила Соня.

– Точно! – тут же подхватила Люська. – Петька! Включай телевизор! И давай тебя нарядим Зайкой! А потому что сейчас у нас год Кота!

– Тра-та-та, тра-та-та, мы встречаем год Кота! – кричал Семен. А Петька его тут же поправлял:

– И Кролика, попрошу учесть, это важно.

По телевизору было и в самом деле песен очень много, но вот медленных – почти ни одной. Или они им просто не попадались...

И снова скакали по комнате, изображая то кроликов, то медведей, то хитрых лисичек... и снова сели за стол, и снова звенели бокалы... А уже совсем под утро выключили свет, зажгли свечи и говорили о том, каким счастливым будет год только что наступивший.

Только в пять часов у Люсенки кончился запал, и она вдруг резко стала собираться домой.

– Все! Не дойду! Надо спать срочно... Петька! Ну одевайся же быстрее, а то упаду прямо на дороге!

Петр даже спорить не стал, так категорична была любимая.

– Все! Пока! – быстро попрощавшись, семья спешно удалилась.

– А чего это они так быстро? – удивилась Соня. – Может быть, обиделись на что-то?

– Может быть, и обиделись, – легкомысленно тряхнул головой Семен. – А вообще-то у Люськи есть один маленький минус – она если хочет спать, то засыпает где стоит. И храпит безбожно. Вот и... побоялась дочку разбудить своим храпом.

– Нашу дочку? – вырвалось у Сони, но она тут же поправилась: – Мою? В смысле, Ксюшку, что ли? У них же, кажется, своих детей нет, так ведь?

– Да, Соня, – кивнул Семен. – У них нет... Она побоялась разбудить нашу дочку.

Соня дернулась, но решила сейчас пропустить это мимо ушей. Просто не говорить об этом, и все.

– Семен, а как у тебя чайник включается? Мне бы чаю... Сейчас Ксюша проснется и... пойдем мы уже.

– Куда это вы? – набычился Овчаров. – Он же вас не пустит! На улице мороз такой, а она с утра девчонку куда-то тащить собралась! Даже и не думай! Я тебе постелю в отцовской комнате, ложись, а завтра... Завтра мы чего-нибудь придумаем.

– Семен... – пожала плечами Соня и собиралась сказать еще что-то, но он испугался.

Он вдруг испугался, что сейчас она вот так возьмет и скажет что-нибудь совсем... совсем не праздничное. И потом трудно будет все повернуть назад. А он... он еще и сам только-только начал учиться жить с той... с той мыслью, которая теперь уютной кошкой устроилась у него в голове. Поэтому он не дал Софье сказать ни одного слова.

– Ты же чаю хотела! – подскочил он. – Сейчас будем пить чай! С Петькиными конфетами, они забыли.

И в самом деле – на телевизоре так и осталась лежать здоровенная коробка ассорти.

Пока Овчаров ставил чайник, Соня как-то ловко и незаметно убрала со стола и теперь стояла возле раковины и мыла тарелки.

– Да брось ты их, – морщился Семен. – Завтра Янка придет, помоем.

– Тут же немного, зато чисто будет, – не соглашалась Соня и посуду все же помыла. – А теперь можно и за конфеты... Ты знаешь, я так люблю конфеты, прямо как маленькая.

И она фыркнула совсем как ее маленькая дочь, в кулачок, и даже глазами так же сверкнула. Потом ухватила кружку и сунула туда нос.

– Я это запомню, – счастливо улыбнулся Овчаров. – Каждое утро буду тебя конфетами кормить. Чтобы ты день могла жить спокойно.

– Семен... – отставила она кружку и стала серьезной. – Давай...

Но, видимо, так и не суждено было им сегодня поговорить, потому что в дверь снова, так не вовремя, зазвонили и... и в дом ворвалась... Елена Прекрасная! Ленка! Вся в мишуре, в конфетти, накрашенная, как матрешка, к тому же в изрядно подвыпившем состоянии.

– Се-е-е-еннчка! – рявкнула подруженька и рухнула прямо в руки Овчарову. – Вот! Принимай! Я... я решила тебе... под... подрить... праздник! Да!

– Лена... – прислонил даму к стеночке Семен. – Лен, давай-ка я вызову такси, тебе надо домой.

– А пусть... пусть будет твой дом – мой дом! – пьяненько кривлялась она. – Где дядя Вася? Давай ему сообщим, что теперь... теперь у него есть я... дочурка! ...Дя-я-я-ядь Ваа-а-ась! Ты иде?

– Лен, не ори, – поморщился Семен. – Ребенка разбудишь... Чего ж ты так... уелась-то? Сейчас, погоди, где телефон... сейчас тачку вызову.

– Не хочу тачку! – капризно топнула каблучком Елена и стала доставать из сумки бутылку. – Во! Гляди, чего притащила! Это я... из гостей уперла... у них там этой шампани – завались! А у меня – ну ни бутылочки дома, вот я и...

Леночка уже скинула сапоги и двинулась в комнату. По дороге она заглянула в кухню – видимо, все же решила порадовать Василия Васильевича своим приходом – и увидела Софью.

– Ого! Ох, и ни фиги себе... – стала медленно трезветь дама. – А ты... ты кто?

– Я так... гостя, – бросила Софья и отвернулась к окну.

– Не... погоди... ты, то есть... – пыталась сообразить Леночка. – Ты к Сеньке моему, что ль, притащилась, да? В гости-то ты к кому?

– Лена! – рванул ее из кухни Семен. – Тебе надо домой. Давай напяливай сапоги обратно! Чего расшвырялась-то?

– А она? Она, что ли, тут останется? – уперла руки в бока дамочка, и это чуть не вывело ее из равновесия. Елена пошатнулась, но устояла и от этого еще больше разозлилась. – Я спрашиваю... она буит... здесь буит, что ли?

– Да уйдешь ты или нет?! – обозлился Овчаров, хотел было выдернуть Елену из кухни, но та изловчилась, увернулась от него и выскочила в комнату. И первое, что попало ей на глаза, – огромные сумки Анечки и Яны.

– Ах ты ж батюшки! – от удивления даже присела красавица. – А она ить и в самделе – к тебе перебралась! Глянь, Семеныч, она ж шмотки уже перетащила!

Тут Елена, и вовсе обнаглев, стала вытягивать из баулов тряпочки и придирчиво разглядывать каждую вещь, принадлежавшую Анне с дочерью.

– Нет, Овчаров, ты глянь! Рейтузы! Да какие теплые! – держала она двумя пальчиками дамскую принадлежность. – А тут... боже мой! А это... «Дикая Орхидея» отдыхает! Глянь, Овчаров, чепчики для близнецов!

У Семена уже кончилось терпение, он с силой тряхнул подружку и проговорил ей прямо в лицо:

– Сейчас ты уйдешь, а завтра... когда проспишься, я отвечу на все твои вопросы. Ты все поняла?

– А чего понимать? – болталась сосиской в его руках красавица Елена. – Завтра так завтра... Щас... Девушка, а таким лифчиком Овчарова не удержите, сразу вам говорю. Он любит чистую Францию, чтобы тут открытенько так, а тут...

– Домой! – взревел Семен.

– Ой! – Взгляд Елены наткнулся на детскую кофточку. – Ой, не могу! Овчаров! У тебя, что ли, дите обнаружилось? И ктой-то додумался-то тебя ребятешкой одарить! Ха! Я уммм-иррраю! Ты в пеленках! Или... Или ты взял тетку с дитями? Признавайся, грязный трус!

– Я сказал – вон! – лопнуло терпение у Семена, он сгреб в охапку Лену, подхватил в прихожей сапоги – сама Елена при этом блаженно болталась на его руке – и вывалился в подъезд.

В подъезде пришлось понервничать. Елена Прекрасная вопила на манер Витаса и ни в какую не собиралась уходить. Семену пришлось самому напялить ей сапоги, при этом девушка старательно облобызала ему всю голову, а потом еще пришлось полчаса ловить такси – сама Елена категорически отказывалась это делать, да и поймать такси в новогоднюю ночь, вернее, в новогоднее утро, было делом совсем не простым.

Когда минут через сорок Овчаров зашел домой, ни Сони, ни спящей Ксюши уже не было.

– Та-а-а-к... – нервно качался с пятки на носок незадачливый кавалер. – Норма-ально... Одна, значит, никак выталкиваться не хотела, а другая... другую хрен удержишь... Ну и чего этим бабам нужно?

Пристальным взглядом Овчаров оглядел комнату – Софья собрала все... Да там и собирать нечего было... В общем, от девушки не осталось и следа... Даже горшочек с цветком, с елкой этой, забрала. Хотя именно это и радовало. Значит, Новый год не сразу забудется...

Семен в конце концов махнул рукой, покрутился еще немного, ничего не придумал и рухнул в постель.

Проснулся он от громких голосов. Кричали на кухне, причем было очевидно, что Анна чем-то недовольна, потому что она кричала больше, чем обычно.

– Нет, ты посмотри на него! А чего ж ты раньше думал, вражина ты эдакий?! – так начала свое праздничное утро Анна. – На кой черт ты баб-то вызывал?!

– Анечка, так я ж... они ж сами! – лопотал несчастный Шурка. – Разе ж я б осмелился?!

– Да у тебя спяну-то какой только смелости не бывает! Кто голышом по поселку бегал и в сугробы нырял?! Не ты, скажешь?

– Ну, Анечка, ну так это ж... после баньки было.

– Да? После баньки?! Так и прыгал бы возле баньки! Кой черт тебя к магазину-то понесло?! Там что, сугробы выше?! – орала о наболевшем Анна. – И еще, наглец такой, он, значит, вызвал, а расплачиваться – так Аня должна!

Овчаров уже не мог спать. Хотел, но не мог.

– Ребята, привет, – вышел он из комнаты, нещадно зевая. – С праздничком вас. Как повеселились?

– Да вот Ане чего-то не понравилось... – виновато пожал плечами Шурка. – А уж я и так, и эдак...

– Ага! – снова взвилась Анна. – Он даже баб пригласил! И ведь еще, гад такой, пришли, главное, так нет чтобы к столу меня уважительно пригласить, в ресторанчик бы спуститься... сауна там была, оказывается... так он меня, Иуда, сразу в постель!

– Ну, Аня, – фыркнул Семен. – Он хотел, чтобы сразу все тридцать три удовольствия, чего уж ты?

– Да? Тридцать три? – уперла руки в бока Анна. – И я хотела! Мечтала, можно сказать! Так он же... что, думаешь, он на той кровати делал? Он же меня спать укладывал! Как завыл мне в ухо: «Рыбки уснули в пруду-у-у-у, мышки полезли в нору-у-у!», а у самого ни слуха, ни голоса. И ведь так нудил, у меня уж и в самом деле глаза стали закрываться. Уснула уже почти вся. Нет, слышу – хохот какой-то девчачий! Открываю глаза – мамонька родная! А там три девицы! И на всех трех из одежды только кожа! А этот... Шурка! Вот ты мне скажи, ты чего с ними делать-то собирался?! У тебя ж геморрой, грыжа паховая, радикулит! У тебя ж... Господи, у тебя ж, как у нашего Сидорыча, только один орган здоровый – костыль!

– И чего?! – гордо вытянулся Шурка. – Мне уж и вовсе... И совсем мне уже, что ли, помирать?! Я еще... я и вообще еще...

Анна, хоть и дулась на мужа, но дело свое дамское знала великолепно. Поэтому, пока ее рот вовсю сыпал проклятиями, руки ловко резали хлеб, вытаскивали из холодильника нарезку и салаты.

– Ты лучше скажи мне, – прервала супруга Анна. – Куда ты маленького поросенка дел? Где наш поросенок?

– Так... ты про Янку? – наморщил лоб Шурка и проявил чудеса памяти. – Ее ж Василь Васильич с собой взял. Еще вчера. Да-а-а...

Анна сузила глаза – ответ ей явно не понравился.

– Я тебя не про Янку, я тебя про поросенка! Молочного мы привезли! Из дома! Ты чего – съел его уже?

Шурка швыркнул носом.

– Вот ты, Аня, орешь, прямо как ворона какая-то, а здесь, между прочим, маленький ребенок отдыхает, – напомнил он. – Вчера весь вечер «Ксюсынька, Ксюсынька», а сегодня ребенок из-за тебя заикаться станет. Видишь – даже и не видно нигде ребенка-то!

Анна подавилась очередной фразой и мгновенно умолкла. И лишь потом перешла на шепот.

– Сень, а где гости-то все? – прошептала она.

– Ань, они еще вчера ушли, – так же шепотом ответил Семен. – Чайник поставь.

– Погоди ты с чайником... – отмахнулась Аня. – А куда они? Ксюша же маленькая, чего уж, нельзя было здесь переночевать? Их же отец выставил, куда они пойдут?

Семену не хотелось обсуждать с Анной эту непростую тему.

– Они, Аня, к родне подались. Ты, говорю, чайник... да я сам поставлю.

Анна все же пыталась дойти до сути:

– Нет, а чего они тогда сразу не пошли к родне?

– Я не понял, – перебил шептунов Шурка. – А чего тогда вы шепчетесь? Нормально не можете говорить, что ли?

– Мне так лучше, чем криком, – все так же шепотом пояснил Семен. – Вишь, как сразу стало душевно. Ти-ихо.

– Вот гад, а? – во весь голос удивилась Анна. – Он скоро нас заставит на цыпочках ходить! Вот вы, Овчаровы, все одинаковые! Кровопивцы!

В таких разговорах и протекал первый день Нового года. И был бы он и вовсе серым и будничным, если бы...

Ближе к пяти в дверь позвонили, и на пороге появился сияющий, как медный таз, Петька Орехов.

– О, давно тебя не было... – без особой радости встретил друга Семен. – Выспались уже, что ли?

– Сенька, ты не представляешь! Счастье прет, прошу заметить, прямо с первого дня! – захлебываясь радостью, тараторил Петро. – Проснулись мы, значит, с Люськой... нет, погоди, еще, значит, спим, а в комнате телефон вовсю надрывается! Ну и теща... хрен ведь от дивана оторвешь, а тут вскочила, прямо тебе девочка! И к телефону – шась! И чего-то радостно так, прошу заметить, хихикает...

– Ты короче можешь? – угрюмо поинтересовался Овчаров.

В прихожую высунулась голова вездесущей Анны.

– А, это ты, Петро, привет. С Новым годом, – бормотнула она и уже в комнате пояснила мужу: – Думала, Янка пришла, а это Петька. Да ты его знаешь, с Люськой который, друг Сенькин.

Шурка хорошо знал чету Ореховых, неоднократно праздники вместе отмечали, поэтому и выскочил к мужикам в прихожую.

– Петь, привет, – протянул он руку. – А чтой-то ты такой... скалишься чего? Радость, что ль, какая приключилась?

– Так я ж и говорю! – еще пуще обрадовался Петро. – Короче, теща моя...

– Ну понятно, теща по телефону болтала, дальше-то чего? – уже терял терпение Семен.

– А того! – наконец выдал Петр. – К нам еще человек пять родни приезжают!

– Блин! – дернулся Семен. – Ну вот жил я себе весь день спокойно, а тут ты – радость притащил... Ну приедут, и чего? Ты меня порадовать прибежал?

– Ты совсем ничего не понимаешь? – уставился на друга Петр. – Если б они просто так, я б повесился! Люська все поняла, ну и... «Иди, говорит, хоть с мужиками посиди, что ли. Столько моей родни ты не вынесешь». Ну и вот... я пришел... с мужиками чтоб посидеть. Прощу заметить, отпустили меня на неограниченное время! Может, в бильярдный клуб махнем, а? Там сейчас никого, я узнал уже.

– В клуб? – задумался Семен, но тут же махнул рукой. – Да ну тебя, ты в прошлый раз все деньги проиграл.

– Деньги? – заинтересовался братец Шурка. – А чего, вы там на деньги играете? А я, как дурак, у нас в клубе просто так у всех выигрываю. Ну, за бутылку разве... а тут если на деньги... Сень, идем! И даже не верти мордой! Мы ж там... Мы там всех сделаем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.